

Анна Безфамильная

A photograph of a weathered wooden pier at sunset. In the foreground, a glowing lantern sits on a wet wooden plank, its light reflecting on the surface. To the left, a thick rope is coiled around a wooden post. In the background, a calm body of water stretches to the horizon, where a small town with a church featuring two onion domes is visible under a sky of orange and grey clouds.

До первого льда

Анна Безфамильная

До первого льда

«Автор»

2026

Безфамильная А.

До первого льда / А. Безфамильная — «Автор», 2026

Кира Рудакова приезжает в Ветринск обследовать старые причалы. Ей предстоит написать заключение, от которого зависит следующий сезон переправы. Денис Савин знает каждого пассажира и слишком привык отвечать за всех. Между рабочими спорами, дождливыми рейсами и вечерами в мастерской возникает близость. Но Кира не может подменить выводы обещанием, а Денису всё труднее признаться, что собственное будущее он тоже пока держит при себе. До закрытия навигации им придётся решить, что можно сохранить, с чем пора расстаться и как говорить о самом важном вовремя.

© Безфамильная А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Берег прибытия	6
Глава 2. Полоса у воды	10
Глава 3. Другие часы	14
Глава 4. Доставка до двери	18
Глава 5. Пока не знаю	23
Глава 6. То, что не работает	28
Глава 7. На другой линии	32
Глава 8. Дорога вокруг	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна Безфамильная

До первого льда

Художественное произведение. Ветринск, переправа, персонажи и события вымышлены.
Текст и обложка созданы с использованием ИИ.

Глава 1. Берег прибытия

1 октября 2026 года

Автобус, на который Кира купила билет ещё во вторник, стоял за оградой автостанции. Водитель сидел на корточках возле открытого люка, а из салона женщина в красной шапке наблюдала за ним с таким видом, будто неисправность можно было устранить правильным выражением лица.

— До Ветринска сегодня пойдёт? — спросила Кира.

— Этот — уже нет.

В кассе ей вернули деньги и предложили вечерний рейс. Кира посмотрела на узкую полоску чека. Между суммой и временем возврата оставалось ровно столько места, сколько требовалось для её неудачного начала командировки.

— Можно через Заречье, — сказала кассирша. — Доедете до поворота, там к воде вниз. На пароме переберётесь. Если с чемоданом не боитесь.

Кира не боялась чемодана. Она боялась согласиться на вариант, в котором слово «там» заменяло половину маршрута.

— От поворота далеко?

Кассирша задумалась.

— С чемоданом подальше.

Позвонить Ирине, сообщить о поломке, предупредить Нину Белову о позднем приезде. Найти другой автобус. Письмо с адресом гостевого дома Кира открыла в телефоне ещё раз, хотя уже помнила его наизусть. Внизу стояло: «Если заплутаете, звоните, я объясню». Она машинально проверила заряд.

Сестре писать не стала. Ася ответила бы: «Ну вот, приключение», — и Кира потратила бы оставшуюся батарею на объяснение разницы между приключением и плохо организованной пересадкой.

В другом автобусе свободным оказалось место рядом с человеком, который вёз на коленях огромный пластмассовый таз. В тазу лежала небольшая спортивная сумка. Кира поставила чемодан у ног и старалась не гадать, почему сумке понадобился собственный транспорт.

Когда за окном пошли редкие дома и мокрые огороды, сосед поднялся.

— Вам тоже на повороте, — напомнил он.

Кира поблагодарила. Остановка называлась «Новый посёлок», хотя новыми здесь выглядели только два листа профнастила у забора. Она сфотографировала табличку. Когда-нибудь можно будет составить отдельный список мест, где ожидания не имели отношения к названию.

До реки дорога шла вниз. У чемодана быстро обнаружилось собственное мнение о том, по какой стороне обойти каждую лужу. Кира несла его, пока позволяла рука, потом снова ставила на колёсики. У ворот одного дома женщина подрезала отцветшие кусты и посмотрела на неё без удивления.

— На паром?

— Да.

— Он сейчас подойдёт.

Здесь всё измеряли не расстоянием, а чьим-то скорым появлением.

Кира остановилась на середине спуска. Между крышами показалась вода — не серебряная полоса, которую удобно размещать на туристических фотографиях, а широкая тяжёлая река с мелкой рябью. На другом берегу темнели деревья, белела стена длинного здания. Над самой водой двигалось что-то плоское, с ограждением по краям.

Переправа.

На схеме, присланной бюро, она занимала два небольших прямоугольника и линию между ними. Кира видела эти прямоугольники уже столько раз, что успела перестать представлять за ними воздух.

Она достала телефон, написала Нине, что добирается через Заречье, и получила почти сразу: «Тогда увидите нас с хорошей стороны. Я дома».

Кира подняла голову. Из письма невозможно было понять, какая сторона считалась хорошей.

На берегу пахло водой, мокрым деревом и выхлопом машины, водитель которой не хотел глушить двигатель. За ограждением стояли две женщины с одинаковыми пакетами, мужчина с велосипедом и светлая легковушка. Мальчик в школьной куртке прижимал к груди картонную папку. Кира поставила чемодан на ровное место и осмотрелась.

Она знала, с чего начнёт завтра: подход к причалу, организация прохода, документы по береговым сооружениям. Сегодня следовало просто добраться до комнаты, переодеться и ещё раз проверить программу обследования. Не начинать работу с дороги. Не ставить выводов по одному взгляду.

У края дорожки скопилась вода. Пешеходы обходили её по узкой сухой полосе. Кира отметила это про себя и тут же разозлилась: не начинать работу с дороги.

Паром приблизился, и ожидавшие люди слегка изменили положение, словно одновременно услышали негромкий сигнал. Никто не торопился вслух. Женщина убрала телефон, велосипедист развернул переднее колесо, мальчик поправил папку.

— Сначала выходящие, — произнёс мужчина у прохода.

Кира увидела его, когда с парома стали сходить пассажиры. Тёмная куртка, коротко остриженные волосы, непокрытая голова. Он стоял чуть в стороне от линии движения и успевал смотреть сразу туда, откуда выходили люди, и на готовившуюся въехать машину.

Один из пакетов зацепился за ручку велосипеда. Мужчина в куртке придержал велосипед, женщина освободила пакет. Всё заняло несколько секунд. Кира невольно оценила это движение: без суеты и без намерения продемонстрировать, что именно он здесь всем помогает.

Когда пришла её очередь, переднее колесо чемодана застряло в неглубоком стыке.

— Приподнимите нос, — сказал мужчина.

Она наклонила чемодан.

— Не свой. Его.

Кира посмотрела на него. Он не улыбался, но возле глаз на мгновение собрались мелкие складки.

— Я поняла.

Колесо освободилось. Она поднялась на палубу и отошла, чтобы не задерживать остальных.

С воды береговые дома выглядели ниже. Кира встала у ограждения, выбрала место, где никому не мешала, и застегнула куртку. На другом краю мужчина с велосипедом объяснял кому-то, сколько теперь стоит хорошая крышка. Мальчик открыл папку и прикрыл её локтем от ветра. Внутри лежал лист, густо заштрихованный синим.

Кира не смогла разглядеть рисунок.

Паром отошёл. Это было почти незаметно: берег сначала просто изменил угол, и только потом между ним и ограждением появилась полоска воды. У Киры слегка сжались пальцы на ручке чемодана.

Она часто ездила по работе и давно научилась считать дорогу промежутком. Можно отвечать на письма, смотреть документы, составлять список. Здесь ничего из этого делать не хотелось. Телефон лежал в кармане, а полоса воды за кормой становилась шире.

У управления оставался другой штатный капитан. Мужчина в тёмной куртке, которого Кира видела у прохода, теперь шёл вдоль палубы. Она решила не откладывать.

— Простите. Мне нужен Денис Савин.

Он остановился.

— Зачем?

В вопросе не было грубости. Скорее, он хотел прежде понять, сколько времени займёт ответ.

— Кира Рудакова. Из проектного бюро. Мы согласовывали обследование береговых сооружений.

— Завтра.

— Начинаем завтра. Сегодня я собиралась просто приехать.

Он посмотрел на чемодан, потом на её ботинки.

— Через Заречье получилось?

— Прямой автобус отменили.

— Понятно.

— То есть вы Денис?

— Да.

Он протянул руку. Ладонь оказалась сухой и тёплой; Кира сразу отпустила её и подумала, что странно вообще отмечать температуру чужой ладони на первой служебной встрече.

— Ирина Львова писала вам утром, — сказала она.

— Видел. Завтра всё покажем.

— Я помню.

— Обычно люди, которые приезжают с папкой, уже на первом рейсе спрашивают, почему у нас вот это вот так.

Кира проследила за его взглядом. Папка с распечатками действительно торчала из открытого кармана сумки.

— Сегодня я могу спросить только, как отсюда дойти до Нины Беловой.

— Это хороший вопрос.

Она всё-таки улыбнулась.

Денис объяснил дорогу: вверх от пристани, мимо магазина, потом по улице до зелёных ворот. Не «там», а с понятными поворотами. Кира поблагодарила и хотела уточнить, можно ли завтра начать с подхода на этом берегу, но он уже отвернулся к сотруднику у противоположного ограждения.

Работа продолжалась без паузы на её приезд.

До берега оставалось немного. Кира почувствовала, как собственное раздражение на утро постепенно теряет форму. Автобус не появился, маршрут сломался, чемодан собрал всю грязь со спуска. Однако она всё равно была здесь — и впервые увидела место, о котором уже написала несколько деловых писем.

У зелёных ворот висела небольшая табличка «Комнаты». За оградой росла яблоня, под ней лежали три жёлтых плода, слишком чистых для земли: кто-то явно собрал их и передумал уносить.

Нина Белова открыла дверь прежде, чем Кира успела второй раз нажать звонок.

— Я вас из окна увидела. Проходите. Только чемодан пока сюда, на коврик. Мы его отдельно переживём.

Она была в сером платье и шерстяных носках. На вид — немного старше пятидесяти, с короткими волосами и внимательными глазами человека, который привык замечать мокрые рукава раньше, чем гость попросит полотенце.

— Извините, я весь спуск на колёсах...

— Для того у меня коврик и лежит. Как добрались?

— Не по плану.

— Значит, добрались.

Комната оказалась на втором этаже. Узкая кровать, шкаф, небольшой стол у стены. Кира сразу отметила розетку под окном и стул, на котором можно было сидеть дольше десяти минут. За стеклом виднелась крыша соседнего дома и полоса неба.

— Ванная напротив. Кухня общая внизу. Если захотите в тишине, можете есть у себя, я не обижусь. Завтрак отдельно не предлагаю: все в разное время. Чайник сейчас принесу.

— У меня есть маленький.

— Тогда мне меньше нести.

Нина не пыталась узнать, замужем ли она, надолго ли приехала и почему одна. Кира почувствовала неожиданную благодарность.

— Мне, возможно, нужно будет работать вечером.

— Работайте. Только если стол качается, скажите сразу. Один жилец подкладывал под ножку журнал, а я потом полгода думала, что у нас очень устойчивый стол.

Кира проверила стол ладонью. Он слегка качнулся.

Нина кивнула так, будто они только что успешно решили важный вопрос.

— Вот. После чая поправим.

Когда дверь за хозяйкой закрылась, Кира сняла ботинки и села на край кровати. Носки были сухими — небольшая удача, которой утром ещё не существовало в списке возможных удач. Она открыла сумку, достала ноутбук, зарядку и папку.

На первой странице программы обследования стояло название города. Ниже — сроки, состав работ, перечень исходных материалов. Всё было знакомо и правильно. Кира провела пальцем по сгибу листа.

В дверь постучали.

— Это опять я, — сказала Нина. — У меня пирог. С капустой. Вы его не обязаны любить, но попробовать можете.

Кира посмотрела на распечатки.

Олег всегда говорил, что она умеет превратить любой вечер в утро следующего рабочего дня. Тогда ей казалось: он просто не понимает, сколько нужно сделать. Теперь Олег жил в своей квартире, она — в своей, а фраза иногда приезжала вместе с ней в командировки без отдельного билета.

— Спасибо. Я спущусь.

Внизу было тепло. На кухонном столе лежал разрезанный пирог, возле окна сохли вымытые банки. Нина положила ей небольшой кусок и не стала говорить, что работа подождёт.

За это Кира была благодарна отдельно.

— На переправе уже познакомились с кем-нибудь? — спросила хозяйка.

— С Денисом Савиным.

— Значит, дорогу объяснили правильно.

— А он иногда объясняет неправильно?

— Нет. Но иногда так коротко, что люди думают, будто должны были знать её с рождения.

Кира вспомнила его вопрос «Зачем?» и засмеялась.

Нина подвинула сахарницу.

На стене над холодильником висели часы. Они отставали на несколько минут: Кира увидела это, когда проверяла телефон. Ей захотелось сказать хозяйке, потом она решила, что спросит утром.

Кира перевернула телефон экраном вниз и попросила ещё небольшой кусок пирога.

Глава 2. Полоса у воды

2 октября 2026 года

Денис увидел её издалека: тёмная куртка, сумка через плечо, волосы убраны так, чтобы не мешали смотреть под ноги. Она остановилась перед лужей у спуска, но не стала искать сухую тропинку. Достала телефон и сняла общий вид.

Он посмотрел на часы. Без нескольких минут девять.

Павел Горин, стоявший рядом, тоже заметил женщину.

— Началось.

— Что?

— Документальная съёмка. Сейчас мы у тебя тут все попадём в историю.

Денис убрал руки в карманы. После вчерашнего знакомства он рассчитывал хотя бы начать без той особой тишины, которая возникала рядом с проверяющими. Когда человек ещё ничего не сказал, а окружающие уже старались выглядеть так, будто давно ничего не делали.

Кира подошла сама.

— Доброе утро.

— Доброе. Это Павел, старший механик.

Она назвала себя, поздоровалась. Павел вытер ладонь о рабочие брюки, посмотрел на неё и вместо руки кивнул.

— У меня сегодня рукопожатие не предусмотрено.

— Тогда обойдёмся без него.

Денису понравилось, что она не стала убеждать Павла: «Ничего страшного». Павел не боялся её испачкать. Просто не хотел протягивать грязную руку, и объяснять ему его собственные намерения было незачем.

— С чего начнём? — спросил Денис.

— С подхода. Потом посмотрю материалы, которые вы подготовили. И мне понадобится пройти обе стороны.

— Перейти.

Кира подняла глаза.

— Что?

— На другую сторону у нас переходят. Пройти — это если по городу.

Он понял, как это прозвучало, ещё до того, как она ответила.

— Хорошо. Перейти.

Павел отвернулся. По его плечам Денис догадался, что тот с удовольствием оставил бы ему ещё несколько секунд насладиться собственной гостеприимностью.

— Я не поправляю, — сказал Денис. — Просто так говорят.

— Теперь знаю.

Она раскрыла папку. Не толстый том, каким он его себе представлял, а несколько листов с пометками карандашом. На первом Денис узнал общий план береговой части.

— Тут по документам один из подходов проходит чуть иначе, — сказала Кира. — Но сначала хочу посмотреть на месте.

— По документам у нас много чего бодрее.

Павел перестал улыбаться.

— Про покрытие сразу скажу: заявки передавали. Не вчера и не к вашему приезду.

— Я ещё ничего про заявки не спрашивала.

— Это я вперёд отвечаю. Чтобы потом не вспоминать, кто кому когда говорил.

Кира сложила лист пополам, оставив план снаружи.

— Давайте сначала пройдем. Я не могу записывать «проблем нет», потому что о них уже сообщали. И «виноват тот, кто рядом», тоже записывать не собираюсь.

Павел посмотрел на Дениса. Коротко, с выражением: ну, с этой хотя бы разговаривать можно.

Они двинулись вверх по подходу.

Утром здесь всегда казалось теснее, чем днём. Машины прибывали неравномерно, пешеходы выходили из переулка по двое и по трое, кто-то успевал остановиться поговорить и тут же становился частью чужого пути. Денис знал, где люди расходились сами, а где им приходилось напоминать, что дорога не принадлежала ни одному из них целиком.

Кира стояла немного в стороне и смотрела.

— Мне нужно будет увидеть обычную посадку, — сказала она.

— Это и есть обычная.

— Я понимаю. Я про то, что не нужно специально ничего менять ради осмотра.

Денис почувствовал неприятный укол. Он и не собирался устраивать показательные выступления.

— Мы людей к вашему приезду не репетировали.

Она не отвела взгляд.

— Хорошо.

Вот это её спокойное «хорошо» раздражало сильнее спора. Он не мог понять, услышала ли она смысл или просто отметила ещё одну строчку у себя в голове.

Кира убрала телефон и пропустила мужчину с двумя сумками. Тот прошёл между ней и ограждением, поблагодарив так негромко, что Денис скорее угадал слово. Потом она присела у края покрытия, посмотрела, поднялась и снова отошла.

— Вода здесь после любого дождя стоит?

— Когда как.

— Это не ответ для записи.

— Потому что я не для записи сказал.

Она повернулась к нему полностью.

Денис заметил тёмный след на рукаве её куртки. Должно быть, задела что-то вчера, пока спускалась с чемоданом. Человек не успел даже нормально устроиться и уже стоял здесь, выясняя, где вода держалась после дождя. Это могло выглядеть как придирчивость. Но могло и не выглядеть.

— После сильного стоит дольше, — сказал он. — С той стороны обычно раньше подсыхает. Павел лучше помнит, когда переделывали край.

— Вот об этом я и спрашиваю.

Он кивнул Павлу. Тот объяснил, что помнил, отдельно сказал, за чем нужно сходить в документы. Кира записала две короткие фразы. Не стала превращать его рассказ в готовое доказательство.

— Сами проходите тут каждый день? — спросила она Дениса.

— Почти.

— Тогда вы часть неудобств уже не замечаете.

— Или замечаю лучше человека, который тут первый раз.

— Может быть. Проверим.

Он хотел ответить, что люди вообще-то привыкли. Успел услышать эту фразу до того, как она вышла вслух, и промолчал.

Мальчик с рюкзаком как раз обошёл лужу, поставив ногу на сухой край. Сделал это легко, не думая. Взрослая женщина за ним остановилась, выбирая место, и мальчик протянул ей руку. Она не воспользовалась, но улыбнулась.

Кира смотрела в другую сторону. Денис всё равно почему-то почувствовал, будто пример был предъявлен ему лично.

— Тут никто не говорит, что идеально, — произнёс он.

— И я не говорю, что всё плохо.

— Пока.

Она убрала карандаш.

— Вы правда хотите, чтобы мы весь день разговаривали вот так?

Павел кашлянул и сообщил, что пойдёт за папкой. Оставил их вдвоём с такой деликатностью, на какую человек с его лицом, казалось бы, не должен был быть способен.

Денис посмотрел на воду. Он не любил, когда важные разговоры начинались в тот момент, когда вокруг могли пройти люди. Но отойти сейчас значило бы устроить из обычной рабочей неловкости отдельное событие.

— Не хочу, — сказал он.

Кира немного расслабила плечи.

— Я приехала обследовать береговые сооружения. У меня нет готового решения про вашу переправу. Если у вас есть причины думать иначе, лучше скажите.

— Причины простые. Потом какой-нибудь лист уезжает в область. Здесь люди остаются. И мы им объясняем, почему стало хуже.

— Мне тоже не нравится, когда по листу пытаются объяснить жизнь.

Он усмехнулся.

— У вас работа такая.

— У меня работа — постараться, чтобы он ей не противоречил.

Денис впервые за утро посмотрел на неё без готового ответа.

На другом берегу двигалась машина. Вода между ними была обычной, сероватой. Никакой подходящей декорации для примирения — просто закончилась одна неловкая часть утра, и можно было попробовать другую.

— Ладно, — сказал он. — Пойдёмте к документам.

В маленьком служебном помещении пахло бумагой и чаем, который кто-то заварил слишком давно. Павел положил на стол две папки, потом снял сверху третью, тонкую.

— Это переписка. Может, пригодится.

Кира села, повернула стул немного боком к окну, чтобы не заслонять проход. Денис подвинул ей настольную лампу. Включил, потом заметил, что при дневном свете она сейчас не нужна, и выключил.

Павел посмотрел на лампу. На Дениса не посмотрел. За это следовало бы отдельно благодарить друзей.

Кира сняла куртку и повесила на спинку стула. Под ней оказался простой тёмный свитер. На манжете — маленькая свободная нитка. Она заметила её, подвернула край внутрь и приступила к работе.

— Вчера стол у Нины починили? — спросил Павел.

Кира подняла голову.

— А вы откуда знаете про стол?

— Нина вчера звонила насчёт ножи. Я сказал: завтра зайду.

— Она подложила что-то тонкое. Сказала, пока достаточно.

— Это до тех пор, пока кто-нибудь не решит переставить стол к окну, — отозвался Денис.

— Я уже переставила.

Павел засмеялся.

— Значит, сегодня зайду.

Денис представил, как Кира сначала проверяет розетку, потом ровность стола, потом всё-таки двигает его под собственную работу. Представил легко, будто видел. Это было неуместно приятно.

Телефон завибрировал в кармане.

Номер был незнакомым, но Денис понял, откуда звонят, по первым цифрам. Он вышел на улицу и прикрыл за собой дверь. Не потому, что собирался что-то скрыть от Киры. Ей просто не требовалось слушать разговор о его работе, которая к сегодняшнему осмотру не имела отношения.

По крайней мере, так он себе сказал.

— Денис? Удобно сейчас?

Человек из Северска напомнил о зимнем предложении. Судоремонтная организация, временная занятость, возможность заодно подтянуть то, на что в сезон постоянно не хватало времени. Всё это уже обсуждалось по телефону раньше. Ничего не было подписано. Пока достаточно сказать, что он всё ещё рассматривает вариант.

— Рассматриваю, — ответил Денис.

— Тогда я вам ещё раз пришлю условия письмом. Не нужно решать на ходу.

— Да, спасибо.

После звонка он остался у стены. На сыром подоконнике лежал чей-то рабочий перчаточный вкладыш, один, вывернутый. Денис поднял его и отнёс на полку под навесом.

Северск был разумным вариантом. Зимой переправа всё равно не работала так, как летом. Ему не предлагали бросить судно посреди реки и людей на одном берегу. Но стоило представить разговор с Павлом, как в голове появлялось чужое усталое лицо.

Не потому, что Павел запретил бы.

Скорее наоборот: сказал бы ехать. А потом Денису пришлось бы самому отвечать на вопрос, почему ему так трудно принять разрешение, которого он не обязан просить.

В помещении Кира наклонилась над старой схемой. Карандаш лежал рядом с листом, и она не спешила им пользоваться.

— Нашли что-то? — спросил Денис.

— Нашла, что здесь нужно сначала разобраться, какие материалы относятся к какому периоду.

— Опять слишком коротко объяснил?

— Пока это не вы объясняли.

У неё был сухой голос, но теперь он различил в нём улыбку.

Денис сел напротив. За стеной хлопнула дверь, кто-то позвал Павла. Кира повернула к нему лист.

— Эти материалы отдельно хранились?

Он придвинул папку поближе.

Глава 3. Другие часы

3 октября 2026 года

В субботу Нина испекла пирог с яблоками и предложила Кире самой решить, какой кусок считать небольшим.

— Это ловушка? — спросила Кира.

— Это чтобы потом не смотреть, как вы делите вилок один на две половины и обе оставляете на тарелке.

За окном висел светлый неподвижный туман. Дом напротив ещё был виден, яблоня у ворот — уже нет. Кира надела свитер, прислушалась к шагам внизу и впервые за два дня не открыла рабочую почту раньше, чем умылась.

Вчера она потратила почти весь вечер на исходные материалы. Не столько работала, сколько раскладывала вопросы по отдельным листам, пока они не перестали выглядеть одним общим недоразумением. По телефону Ирина попросила не торопиться с формулировками. Кира сама собиралась сказать то же самое, но после чужой просьбы это прозвучало как дополнительное задание.

Сегодня ей нужно было посмотреть движение людей на другой стороне. Без парадного обхода и без Дениса, который начинал отвечать на вопросы прежде, чем она успевала их задать.

— В Заречье школа далеко от пристани? — спросила она за чаем.

— Если не заходить в магазин, недалеко.

— А если заходить?

— Тогда зависит от того, встретите ли кого-нибудь знакомого.

Кира уже заметила: здесь любая точная просьба о времени быстро обрастала людьми.

Нина завернула ей кусок пирога в бумагу.

— Я не просила.

— И правильно. Я бы ещё подумала, давать или нет.

Хозяйка сказала это совершенно серьёзно, и Кира решила не уточнять, положено ли ей теперь смеяться.

На пристани было тише, чем вчера утром. Женщина с сумкой на колёсах держала в руке букет хризантем. Возле ограждения разговаривали двое мужчин; один был в тапках поверх шерстяных носков. Кира подумала, что в таком виде могла бы выйти разве что за забытым пакетом к подъезду. Мужчина же собирался на другой берег и, судя по всему, не видел повода переодеться.

Дениса она не заметила. Почему-то это принесло и облегчение, и небольшое разочарование. Кира сразу отнесла последнее к несобранности: привыкла искать знакомого человека, вот и всё.

Она купила билет и встала у борта. Утренний туман не скрывал воду целиком, только стирал дальнюю линию берега. Рядом две девочки сравнивали сообщения в телефоне. У одной из рюкзака торчала спортивная лента, завязанная узлом.

— Ты во сколько обратно? — спросила она.

— Как закончат.

— А у вас всегда позже.

— Так у нас сначала русский.

Кира невольно повернулась. Девочка заметила взгляд и замолчала. Пришлось отойти, чтобы не выглядеть человеком, который с утра подслушивал расписание чужих уроков.

На другом берегу девочки быстро ушли вперёд. Кира пошла за ними на расстоянии, не потому, что хотела продолжить слушать, — просто из двух заметных дорог одна вела наверх к домам, а вторая заканчивалась забором.

За поворотом школьницы разошлись. Одна свернула к магазину, другая поднялась к длинному двухэтажному зданию. На стене висела вывеска школы. Кира посмотрела на часы.

В собственной схеме маршрута она уже поставила бы прибытие. На самом деле человек только начинал идти.

Ларису Кудрину Кира нашла в коридоре у расписания. Женщина в тёмном жакете держала сразу две связки листов и объясняла подростку, что потерянная сменная обувь не могла перестать существовать за ночь.

— В пакете посмотрите.

— Я смотрел.

— Тогда в другом пакете.

Подросток вздохнул так, будто взрослых следовало терпеть исключительно из уважения к возрасту, и отправился к лестнице.

Кира представилась, спросила, можно ли поговорить. Лариса сначала взглянула на папку у неё в руке, потом на часы.

— Минут десять сейчас есть. Если вы про берег, я вам разве что из окна покажу.

— Скорее про то, как сюда добираются.

Они прошли в небольшой кабинет. На подоконнике стояли горшки с одинаковыми отростками. Между ними лежала варежка — одна, серого цвета, с крошечным красным пятном у манжеты.

— Уже принесли, — сказала Лариса, заметив её взгляд. — До зимы ещё дожить надо, а вещи начали теряться.

Кира достала блокнот, но не стала сразу его открывать.

— Я пытаюсь понять, как распределяются поездки. В документах есть общее количество, но оно мало что говорит о времени.

— Общее количество всегда приходит вовремя. В отличие от людей.

Лариса села напротив. В движении было что-то усталое, но лицо оставалось внимательным. Кира узнала в ней человека, которому слишком часто задавали вопрос, не собираясь слушать ответ до конца.

— Какие поездки важнее всего не потерять? — спросила она.

— Давайте сразу договоримся: я не выбираю важных детей и неважных.

— Я не об этом.

— Знаю. Но потом это иногда так читают.

Кира кивнула и записала вопрос иначе.

Лариса говорила о семьях, которые жили на одном берегу, а работали на другом. О ранних выездах взрослых, после которых ребёнка оставляли у родственников. О кружках, покупках, людях, для которых лишняя пересадка означала, что нужно просить кого-то отвезти. Отдельно — об автобусе вокруг.

— Он есть, — сказала она. — Никто не спорит. Просто самый ранний из того, что предлагают, для части людей уже поздний.

— Ясно.

— Пока не очень. Вам надо услышать их самих. Мне расскажут одно, вам другое. И это не потому, что кто-то врёт.

За дверью раздались шаги. Тот самый подросток просунул голову и молча поднял пакет с кроссовками.

Лариса торжественно кивнула.

— Убедились, что предметы сохраняют постоянство?

Он улыбнулся против воли и исчез.

Кира тоже улыбнулась. Лариса подвинула к себе стопку листов.

— Что вы с этим будете делать?

Вопрос был спокойным и гораздо труднее предыдущих.

— Сначала разберусь, что могу подтвердить. Потом сопоставлю с тем, как устроен берег и какие варианты предлагают.

— Вы можете добавить ранний автобус?

— Я не перевозчик.

— Я понимаю. Я спрашиваю не про вашу должность.

Кира посмотрела на закрытый блокнот. На готовых рабочих встречах у неё всегда находилась правильная фраза: «За пределами текущего обследования», «Требуется отдельного рассмотрения». Здесь эти слова не были ложью, но звучали так, будто она пыталась встать и выйти, не двигая стул.

— Сама — нет, — сказала она. — Могу добиться того, чтобы этот вопрос не потерялся между общим количеством и красивой линией на карте. Но обещать рейс, которого никто не согласовал, не буду.

Лариса помолчала.

— Ну хоть так.

Никакой благодарности, которой Кира могла бы облегчить себе разговор, не последовало. И правильно.

Они договорились, что Лариса соберёт несколько конкретных примеров поездок — без фамилий детей и лишних личных подробностей. Кира оставила номер и, уже у двери, спросила:

— Вы в субботу всегда работаете?

— У нас жизнь не очень хорошо помещается в пятидневку. А вы?

Кира засмеялась.

Это был первый вопрос за утро, на который можно было ответить без блокнота.

Когда она вышла, туман успел подняться. Школьный двор показался обыкновенным: мокрые листья, широкая лужа у забора, две девочки, которые стояли лицом друг к другу и почему-то говорили по телефонам. За спортивной площадкой желтела берёза.

Кира хотела сразу вернуться на другой берег, но вспомнила, как Лариса сказала: человек не заканчивается в точке прибытия.

Она убрала телефон и пошла по улице вдоль невысоких домов.

У одного крыльца сидела собака с выражением полного согласия с погодой. Из открытой двери пахло жареным луком. Дальше работал небольшой хозяйственный магазин. Возле него мужчина пытался разместить на велосипеде длинную пластиковую полосу. На каждом его движении полоса меняла мнение о том, какой формы ей хотелось быть.

— Держать? — спросила Кира.

Мужчина с надеждой посмотрел на неё.

Она подержала край, пока он закреплял попку. Это заняло меньше минуты. Благодарил он дольше, и Кира почувствовала неловкость, совершенно несоразмерную помощи.

На набережной, если эту узкую дорожку можно было так назвать, стояла скамейка. Сухого места на ней не осталось. Кира села на сложенную газету, оставленную кем-то на сухом краю, и достала завернутый пирог.

Начинка была чуть кислой, край потемнел сильнее середины.

Телефон завибрировал. Ася прислала фотографию двух пар одинаковых ботинок.

«Чем они отличаются?»

Кира увеличила снимок. На одном ботинке был другой шов, и ещё, кажется, чуть выше каблук.

«Они с разной подошвой».

«Вот за это я тебя и люблю. А не потому, что сестра».

Кира сфотографировала реку и отправила в ответ.

«У меня тут разная вода с двух сторон».

«Серьёзная работа».

Она убрала телефон не сразу.

Год назад они с Олегом выбирали шкаф. Ему хотелось поставить его у входа, ей — в спальне, и спорить об этом они не стали. Просто каждый продолжал мерить свою стену. Только намного позже Кира поняла, что шкаф ничем не отличался от всего остального: будущий быт у них существовал в двух отдельных комнатах ещё до того, как они разъехались.

Здесь, в незнакомом городе, у неё снова был лист с линиями. Очень легко оказалось поверить, что, если провести их аккуратно, все люди сумеют расположиться между ними.

Кира доела пирог и стряхнула крошки в ладонь. Чай купить было негде, и жажда внезапно показалась самым понятным неудобством за день. Его хотя бы можно было решить без согласования.

Она вернулась к переправе другим переулком. На пристани ждали трое людей. Один держал букет, который утром везли на тот берег. Цветы теперь были без обёртки и выглядели как-то свободнее.

На пароме она снова увидела Дениса. Он разговаривал с сотрудником, потом заметил её и подошёл, когда освободился.

— Нашли школу?

— Да.

— И что вам там сказали?

Кира могла бы ответить коротко: про отсутствие раннего автобуса и конкретные потребности. Вместо этого она сказала:

— Что я пока мало знаю.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Неплохое начало.

— Вчера вы так не думали.

— Вчера я думал про лужу.

— И про то, что я приехала с папкой.

Денис усмехнулся.

Ветер тронул волосы у него над лбом. Кира заметила это совершенно лишнее движение и поспешила посмотреть на берег.

— Сегодня уже не думаете? — спросила она.

— Про папку? Думаю. Она же у вас всё ещё есть.

Кира опустила глаза. Папка действительно лежала поверх сумки, прижатая локтем.

Пришлось смеяться.

На берегу Кира убрала папку в сумку. У подъёма оглянулась: Денис уже разговаривал с подошедшим сотрудником. Она помахала ему и пошла к зелёным воротам.

Глава 4. Доставка до двери

4 октября 2026 года

В воскресенье Павел позвонил Денису раньше, чем тот успел решить, вставать или ещё можно считать лежание полезной частью выходного.

— У тебя есть настроение посмотреть на чужое несчастье?

— Насколько большое?

— Пока на кухню помещается.

Холодильник у Горина перестал работать ночью. Павел обнаружил это по маслу, которое приобрело характер человека, окончательно отказавшегося держать себя в руках. Мастер по телефону выслушал, задал несколько вопросов и предложил приехать позже. Павел, уже знавший возраст холодильника, решил, что семье важнее не точная причина смерти, а новый работающий прибор.

— Я заказал, — сказал он. — У них на складе есть. Доставка сегодня.

— Тогда я зачем?

— Старый до коридора довести. Один я могу. Но потом останется только продать квартиру вместе с ним.

Денис оделся, на ходу допил вчерашнюю воду из чайника и вышел. На улице было ясно. За ночь лужи заметно уменьшились, листья у забора подсохли сверху и сохранили мокрую темноту снизу.

Павел жил в двухэтажном доме на тихой улице выше магазина. Денис знал здесь каждый неудачный поворот: в какой момент дверь следовало открыть до конца, где у лестницы выступал подоконник. Холодильник он помогал заносить много лет назад. Тогда они оба считали, что вещи будут работать дольше, чем хотелось бы людям, которые их выпускают.

Теперь вещь стояла посреди кухни, белая, с чуть пожелтевшей ручкой. Рядом выстроились кастрюли, пакеты и контейнеры.

— Красиво, — сказал Денис.

— Не то слово. Завтрак проходил как инвентаризация.

— А где твоя?

— Отвезла часть еды сестре. Сказала, если мы вдвоём всё равно можем только мешать, пусть хотя бы мешаем здесь.

Павел открыл шкаф, достал две кружки.

— Чай будешь?

— Из чего?

— Из чайника. Система пока работает.

Они сдвинули старый холодильник в коридор, не изображая самостоятельный переезд ради мужской гордости. Дальше его должны были забрать люди, у которых имелись для этого работа и приспособления. Павел постоял перед пустым местом.

На обоях остался светлый прямоугольник.

— Я ведь помню, как мы его покупали, — сказал он.

— Это плохо?

— Это значит, что мне нельзя больше говорить «недавно».

Денис усмехнулся. В такие минуты Павел казался ему надёжнее любой бодрой фразы о будущем: человек видел, что вещь состарилась, и не пытался доказать, будто её можно вернуть в прежнее состояние одной правильной интонацией.

Телефон у Павла зазвонил на столе.

Разговор начался с «да, это мы» и закончился выражением лица, которое Денис видел у него возле особенно неудобных рабочих проблем.

— Что?

— Они у пятого дома.

— Мы в пятом.

— У них тоже пятый. Только на другой улице. В заказе адрес почему-то без нашей части записан.

— Объясни.

Павел посмотрел на него.

— Прекрасный совет.

Он перезвонил. Объяснил, что от магазина нужно подняться, а не ехать к гаражам. Курьер что-то ответил, Павел ещё раз назвал улицу. Потом отошёл к окну, будто отсюда можно было показать человеку нужный поворот через весь город.

Денис взял со стола бумажку с номером заказа.

В ней значилось «проверить адрес». Они оба некоторое время молча смотрели на эти слова.

Денис вышел к воротам. Проще всего было встретить машину у магазина и привести самому. Он уже собирался звонить Павлу, когда заметил Киру.

Она шла с небольшим бумажным пакетом, в другой руке держала телефон. Без папки и рабочей сумки её было труднее сразу поставить в привычную категорию. Светлый шарф, волосы распущены поверх воротника. Он почему-то успел подумать, что в таком виде ей, наверное, теплее, хотя шея оставалась открытой.

— Доброе утро, — сказал он.

Кира остановилась.

— Доброе. У вас здесь тоже работа?

— Холодильник Павлу меняем.

— Понятно.

Она посмотрела на дом и на старый холодильник, видневшийся в открытом коридоре.

— Неожиданно.

— Какой именно момент?

— Я вас теперь могу представлять отдельно от пристани.

Это прозвучало так просто, что Денис не сразу нашёл ответ.

Из дома вышел Павел с телефоном.

— Они на другой конец уехали.

— Зачем?

— Я спросил. Они тоже не рады.

Кира не стала отходить, делая вид, будто чужой разговор её не касается. Но и советов сразу не дала.

— Если нужно, я могу показать точку на карте, — предложила она. — Иногда у них в заказе просто адрес неправильно подтягивается.

— Точку мы тоже показывали, — сказал Павел. Потом подумал. — То есть я объяснял, где она должна быть.

Денис сдержал улыбку.

— Могу попробовать? — спросила Кира.

Павел протянул телефон. Она не стала забирать его, только попросила открыть сообщение с заказом. Выяснилось, что номер, с которого звонил водитель, не совпадал с номером службы доставки. А сообщение с уточнением адреса Павел отправил туда, где отвечал автомат.

— Я ведь написал человеку, — сказал он, глядя на экран.

— Человеку вы, вероятно, позвонили. А написали в другую историю.

— Мне никто не говорил, что у меня за утро уже две истории.

Кира набрала службу, назвала заказ и попросила соединить с тем, кто мог передать водителю точное место. Никакого немедленного чуда не произошло. Несколько минут она слушала музыку, потом ещё раз повторила просьбу. Павел попытался было извиниться за потраченное время, но она покачала головой.

Денис смотрел, как менялось её лицо, когда на линии наконец отвечали. Рабочая собранность никуда не исчезла, но не сделала голос жёстким.

— Нам нужно не новое оформление, — сказала она. — Нужно, чтобы водитель получил верный адрес. Мы можем встретить его у магазина, если так проще.

Они ещё немного подождали.

Потом Кира продиктовала номер телефона Дениса, предварительно спросив его согласия. Сбросила точку, обозначила понятный ориентир и вернула Павлу экран.

— Сейчас должен позвонить.

— Должен — хорошее слово, — сказал Павел.

— Поэтому подождём, прежде чем радоваться.

Денис засмеялся. Она посмотрела на него, и у неё тоже дрогнули уголки рта.

Он понял, что с утра ещё ни разу не чувствовал ни спешки, ни досады. Даже холодильник, перегородивший чужой коридор, оказался задачей, у которой существовало нормальное окончание.

— Вы куда собирались? — спросил он.

— Никуда определённо.

— Это как?

— Вышла прогуляться.

— С телефоном наготове?

Кира посмотрела на собственную руку.

— Искала, где можно купить нормальный блокнот.

— У вас же есть.

— Для работы. Я не хочу писать на полях рабочей схемы, что мне нужен стиральный порошок.

Павел уважительно кивнул.

— Правильный подход. У меня всё на одной бумажке. Потом удивляюсь, откуда в списке продуктов появился подшипник.

Телефон Дениса завибрировал.

Водитель теперь находился там, где его можно было действительно встретить.

Машина приехала не сразу. За это время Павел успел принести из дома складной стул и предложить Кире сесть. Она сначала отказалась, потом посмотрела на покосившуюся лавку у забора и согласилась.

Денис принёс вторую кружку чая. Не подал прямо в руки, а поставил на широкую верхнюю доску невысокого забора.

— Тут не горячо снаружи, — сказал он. — Но внутри ещё вполне.

Кира подула на чай.

— Спасибо.

Волосы у неё на ветру всё время попадали на губы, и она убирала их одной рукой, не выпуская кружку. Денис заметил в пакете тонкую книгу. Не блокнот — на корешке была фамилия автора.

— Нашли, что искали?

— Нет. Купила не то.

— Зато быстро.

— Именно.

Они помолчали. Павел ушёл проверить, освободили ли проход, хотя проверял его уже дважды.

— Вы всегда так звоните? — спросил Денис.

— Как?

— Чтобы никто не почувствовал, что ему сейчас предъявляют всю утреннюю жизнь.

Кира пожала плечом.

— Не всегда получается.

— Сейчас получилось.

— Потому что я не заказывала этот холодильник. Мне проще не сердиться.

Он подумал, что в этом была какая-то неприятно полезная правда. Со стороны легче не принимать на себя чужую поломку как личное оскорбление.

— У вас сегодня выходной? — спросил он.

— Я собиралась.

— И вместо этого доставка.

— Она уже скоро закончится. А потом можно снова выйти на улицу.

Денис хотел предложить показать ей дорогу вдоль реки. Очень простую, без рабочих объектов. Но ещё до того, как открыл рот, понял: он не знал, хочет ли она, чтобы ей вообще что-нибудь показывали.

— Если блокнот так и понадобится, у магазина на площади есть отдел канцтоваров, — сказал он. — Не тот, что сейчас за вашей спиной. Другой.

— Спасибо. Я найду.

Машина наконец свернула к дому. Павел вышел ей навстречу с таким облегчением, словно они ожидали возвращения человека, а не крупной бытовой техники.

Дальше помощь Киры не потребовалась. Она допила чай, отдала кружку Денису, стараясь не задеть его пальцы. Он заметил именно это — маленькую предусмотрительность, которой в служебной встрече не придал бы значения.

— Спасибо, — сказал он. — От лица холодных продуктов.

— Главное, не включайте меня теперь в каждую доставку.

— Только в самые сложные.

Она посмотрела на него.

— Шучу, — добавил Денис.

— Я надеялась.

Кира ушла к площади, не оборачиваясь. Шарф соскользнул у неё с плеча, она поправила его у самого поворота.

Павел позвал его из дома.

— Ты дверь поддержать можешь или мы здесь специально для неё проём проектировали?

Денис вошёл в коридор.

Новый холодильник оказался на вид почти таким же, как старый, только ручка была другой формы. Доставщики работали быстро и без лишних советов окружающим. Денис держал дверь, Павел принимал бумаги и спрашивал, что с упаковкой.

Когда машина уехала, в кухне стало непривычно пусто. Часть продуктов ещё оставалась у родственников, стол был свободен, только на обоях у края шкафа виднелась полоска прежнего цвета.

— Хорошая она, — сказал Павел.

Денис посмотрел на него.

— Кто?

— Доставка. Приехала всё-таки.

Он засмеялся раньше, чем успел решить, стоит ли поддерживать этот разговор.

Павел собрал кружки и поставил в мойку.

— Сам потом что собираешься?

— Домой.

— Я не про сегодня.

Денис наклонился подобрать с пола маленький обрывок упаковки. Очень удобное занятие, когда ответа ещё не было или его не хотелось говорить.

— Пока ничего определённого.

Павел не стал спрашивать второй раз.

Дома Денис разобрал сумку, с которой возвращался со смены ещё в пятницу, постирал полотенца и наконец прикрутил ручку ящика. Ящик две недели открывался с помощью ногтя, хотя инструмент лежал в соседней комнате.

Он проверил почту. Письмо из Северска было на месте.

Ниже пришло сообщение от Киры.

«Кстати, блокнот нашёлся. На обложке написано: “Ничего не забыть”. Надеюсь, это не условие продажи».

Денис посмотрел на открытый ящик, на инструмент рядом с ним, потом снова на экран.

«Если что-нибудь забудете, вернут деньги?»

Ответ появился не сразу.

«Не спросила. Записала, чтобы спросить в следующий раз».

Он поставил телефон на стол экраном вверх.

Глава 5. Пока не знаю

5 октября 2026 года

В понедельник Кира поставила на стол две чашки и только потом вспомнила, что завтракает одна.

Во второй собиралась размешать растворимый кофе для термоса. Нина вчера предупредила: небольшая кофейня у площади по утрам открывалась не всегда так рано, как обещала табличка. Кира решила не превращать горячий напиток в ещё один маршрутный вопрос и купила пакетик в магазине.

На кухне работал холодильник. Очень уверенно, словно был осведомлён о судьбе своего собрата на соседней улице и теперь старался не давать поводов.

Телефон лежал возле чашки. Переписка с Денисом про блокнот заканчивалась смешной короткой репликой, которую было нечем продолжить. Кира уже дважды открывала её, каждый раз под каким-нибудь полезным предложением.

В третий раз она убрала телефон в сумку.

Нина вошла, когда кофе почти перестал пахнуть.

— На обед вернётесь?

— Не знаю.

— Тогда я ничего специального не готовлю.

— Конечно.

Кира сказала это слишком быстро. Хозяйка посмотрела на неё и достала из шкафа свою кружку.

— У нас всё просто. Скажете, если понадобится. Я могу не угадать.

Сама возможность, что угадывать никто не собирался, неожиданно успокаивала.

До переправы Кира шла уже без карты. В городе начали узнавать её папку. У магазина продавщица кивнула, мужчина с велосипедом, которому она в субботу помогла закрепить покупку, поднял руку. Кира ответила не сразу и потом почувствовала себя неуклюжей: слишком долго выбирала подходящий знак для человека, которому нужно было обычное «здравствуйте».

Денис ждал возле служебного помещения. В руках у него был бумажный пакет.

— Это вам, — сказал он.

Кира остановилась.

— Что?

— Павел передал. Его жена считает, что вы спасли их воскресенье.

Внутри лежало несколько небольших яблок.

— Я разговаривала по телефону.

— Павел тоже. Не всё измеряется длительностью разговора.

Она заглянула в пакет и не нашла причины отказаться. Особенно той, которую можно было бы объяснить словами, не сделав ситуацию странной.

— Передайте спасибо.

— Передам.

Денис открыл дверь и пропустил её вперёд. На столе уже лежали материалы, о которых она просила в пятницу. Сверху — отдельная папка с перепиской.

— Не всё нашли, — сказал он. — По остальному ещё спрашиваем.

— Хорошо. Я отмечу, чего не хватает.

Он остался стоять у стола. Кира поняла, что он ждёт не этой фразы.

— Сегодня я могу сказать только о том, что уже посмотрела, — добавила она.

— Это я понял.

- И что не смогла проверить.
Денис сел напротив.
— Вот со вторым у нас обычно труднее.

Она показала ему фотографии подхода, сделанные в разные часы. Не стала раскладывать их от самого плохого кадра к самому выразительному. Взяла по порядку: общий вид, движение людей, места, на которых задерживались, состояние отдельных участков береговой части.

— Часть замечаний видна сразу. Часть нужно связать с тем, как это используется. И кое-что я пока вообще не могу оценить по тем материалам, что есть.

Денис смотрел на снимок, где женщина с сумкой остановилась перед лужей.

— Она здесь каждый день ходит.

— Поэтому я её и спросила.

Он поднял голову.

— Что спросили?

— Как обычно обходит. Когда неудобнее. Нужно ли ждать, чтобы пройти. Ничего личного.

Кира почувствовала, как у неё возникает желание оправдаться за сам факт разговора с пассажиркой. Остановилась.

Денис, кажется, тоже услышал лишнее.

— Я не требую согласовывать со мной, с кем вы разговариваете.

— Тогда не буду.

Он выдохнул, и стало легче.

Они прошли по замечаниям ещё раз. Кира отделяла увиденное от предположений, Денис уточнял привычное устройство работы. Иногда он начинал спорить с тем, чего она не говорила. Иногда она сама произносила фразу так, будто за её точностью уже не оставалось места человеку.

На одном из пунктов оба остановились.

— Если я напишу «неудобно», — сказала Кира, — этого мало. Если напишу «всегда неудобно», это будет неправда. Мне нужно понять, как часто и кому именно.

— А они все скажут, что неудобно им.

— Не все.

— Вы в людях оптимистичнее меня.

— Нет. Я просто в субботу была в школе.

Денис усмехнулся.

Она рассказала о Ларисе. Без повторения всего разговора: только об отсутствии раннего автобуса в предложенном варианте и о том, как легко общая цифра скрывала разные поездки. Денис слушал молча, потом потеревил край бумажной папки.

— Про это я знаю.

— Я тоже теперь знаю. Но это ещё не значит, что мы с вами знаем одно и то же.

Он посмотрел на неё внимательно, без привычной обороны.

— Да, — сказал он наконец. — Может быть.

Кира записала вопрос на отдельном листе.

Тон разговора изменился не сразу. Нельзя было найти единственную верную реплику и после неё стать слаженными людьми. Но на следующем пункте Денис уже спросил, что ей понадобится, вместо того чтобы заранее объяснять, почему не получится.

До обеда они успели меньше, чем Кира планировала, и больше, чем она могла бы сделать одна.

Когда она закрыла ноутбук, телефон показал несколько пропущенных сообщений от Аси. Сестра прислала фотографию странно согнутой ручки зонта и написала: «Можно ли считать человека подготовленным к осени, если он хотя бы знает, где сломалось?»

Кира засмеялась.

Денис посмотрел на неё.

— Что?

— Сестра.

— Младшая?

— Это так заметно?

— По тому, как вы на телефон смотрите.

Кира не знала, что ответить. Слишком личное наблюдение, произнесённое совсем буднично.

Она положила телефон экраном вниз.

В столовой ей достался столик у окна. Горячий суп, хлеб, чай в гранёном стакане. Она не пыталась работать во время еды: поверхность стола была мала даже для подноса, и эту внешнюю причину можно было принять без сопротивления.

За соседним столом две женщины обсуждали, кто будет забирать ребёнка после занятий. Одна несколько раз повторила: «Если успею». Кира услышала в этих словах не угрозу расписанию и не человеческую необязательность, а пространство, которое людям приходилось ежедневно делить между собой.

Она достала блокнот с надписью «Ничего не забыть». На первой странице уже стояли стиральный порошок и батарейки. Кира дописала: «Спросить Нину про сушку вещей».

Потом вычеркнула слово «спросить» и написала: «Попросить».

Это выглядело слишком нарочито даже для личного блокнота. Она перевернула страницу.

После обеда позвонила Ирина Львова. Кира отошла от столика, чтобы не объяснять работу всем желающим.

— Первые впечатления?

— Разные.

— Хорошее начало. Что подтверждается?

Кира рассказала коротко. Ирина не торопила, только один раз уточнила, какие исходные материалы ещё нужны.

— Не пытайся написать окончательный вывод из того, что просто лежит под рукой, — сказала она.

— Я не пытаюсь.

— Я знаю. Говорю на всякий случай.

После разговора Кира постояла у окна. На улице мужчина боролся с порывом ветра, пытаясь закрыть зонт. У него получилось, но вид победителя он не приобрёл.

Она подумала, что в чужих словах часто слышала приказ даже там, где ей просто напоминали о праве не торопиться.

Денис, похоже, делал примерно то же самое. Только слышал обвинение.

Узнавать в человеке собственный неудобный навык оказалось менее приятно, чем замечать у него красивые руки.

Последняя мысль возникла без приглашения. Кира взяла со стола поднос и отнесла его к окну мойки.

К вечеру начала болеть шея. Она посидела в комнате, распечатала несколько страниц на ноутбуке в один файл и поняла, что от экрана не поднимает головы уже слишком долго.

Снизу слышался стук посуды. Кира взяла пустую кружку и спустилась.

Нина перекладывала яблоки из большой миски в меньшую. На столе лежало полотенце, подоконник был заставлен банками.

— Можно у вас где-нибудь высушить куртку, если опять попаду под дождь? — спросила Кира.

— Можно. В подсобке вешалка есть, там теплее. Только не держите вещи в комнате мокрыми. Я в первый день должна была показать.

— Я не спросила.

— Вот теперь спросили.

Нина указала на дверь. Ни замечания, ни торжественного открытия о том, как полезно обращаться к людям. Просто нашлось место, которого Кира не знала.

Она посмотрела на яблоки.

— Это не ваши?

— Мои. Я уже столько пирогов с ними придумала, что, кажется, дальше пойдёт яблочный суп.

Кира вспомнила пакет, стоявший наверху.

— У меня теперь тоже есть.

— Павловы?

— Да.

— Тогда это у них благодарность переживает холодильник.

Кира засмеялась и поймала себя на желании рассказать ещё что-нибудь про воскресенье. Не про доставку — про Дениса, который держал дверцу ящика и спрашивал, куда она собиралась. Она не знала, зачем Нине это слышать, и промолчала.

Хозяйка вернулась к миске.

Наверху Кира открыла письмо Асе. Не сообщение в общей переписке, а настоящее длинное письмо, которое можно было закончить позже и не ждать, что на каждую фразу сразу придёт смешная картинка.

«Здесь все постоянно переходят на другой берег. Даже если никуда особенно не собирались».

Она посмотрела на написанное и добавила про мужчину с тазом. Потом — про стол, который перестал качаться после визита Павла. Про Нинины пироги и школу, где потерянная обувь обнаружилась в другом пакете.

Олега она вспоминала редко и не так, как представляла себе год назад. Тогда казалось: расставание станет непрерывным ощущением потери. На деле оно чаще проявлялось отсутствием простых привычек. Некому было сообщить, что автобус отменили. Не нужно было спрашивать, брать ли хлеб на двоих. Телевизор больше не включался сам по вечерам, потому что сама Кира почти никогда его не включала.

Им обоим было удобнее предполагать. Он предполагал, что она рано или поздно устанет от командировок. Она — что он научится не ждать её к ужину, если ужин можно перенести. Они ничего не скрывали намеренно. Просто каждый считал собственную будущую жизнь настолько очевидной, что не видел смысла объяснять её другому.

Теперь Кира стояла посреди чужой комнаты с чистой кружкой и писала сестре о мужчине с тазом, потому что об остальном пока не умела.

«С Денисом, начальником переправы, разговаривать стало проще», — написала она.

Прочитала и поняла, что это не совсем то.

Стерла «начальником переправы». Потом вернула. Ася всё равно заметила бы, что имя осталось без объяснения, и задала бы столько вопросов, что легче было заранее предоставить ей должность.

Письмо Кира отправила, не дописав удачного конца.

На улице начинало темнеть. Она подошла к окну. Река из этой комнаты не была видна, только край крыши и деревья на соседней улице. Где-то ниже по склону продолжалась работа, которая вчера ещё казалась ей набором объектов.

Кира поставила рядом с ноутбуком пакет с яблоками.

Потом сложила распечатки в папку, закрыла ноутбук и достала с полки купленную накануне книгу.

Глава 6. То, что не работает

6 октября 2026 года

Нина попросила Дениса зайти после смены и посмотреть защёлку на калитке.

— Она закрывается, — объяснила хозяйка по телефону. — Только сначала нужно доказать ей, что я настроена серьёзно. Мне надоело.

— Сегодня посмотрю.

— И останешься поесть. Я супа сварила как на собрание.

Он собирался отказаться: дома тоже была еда, которую следовало перестать хранить и начать использовать. Но Нина не дала договорить.

— Не можешь — не оставайся. Только не рассказывай мне сейчас про все свои кастрюли.

Денис согласился прийти. К концу разговора поймал себя на том, что уже думает не о защёлке. Кира жила наверху. Ничего удивительного, если она тоже спустится ужинать.

На переправе день прошёл без событий, о которых потом хотелось бы рассказывать. Люди приезжали, спорили о мелочах, забывали вещи в машинах и возвращались за ними до посадки. Павел показывал сотруднику новую мелкую неисправность так, будто надеялся убедить её исчезнуть от самого факта внимания.

Кира часть дня работала с документами. Потом пришла уточнить, какие записи относятся к прежнему порядку организации подхода. Денис ответил, что нужно посмотреть вместе с Павлом. Она кивнула и записала, не пытаясь получить готовую историю прямо сейчас.

Это начинало ему нравиться.

Не папки и не карандаш. Возможность сказать «нужно уточнить» и не увидеть в ответ, как человек немедленно решает, что ты от него что-то прячешь.

Под вечер Павел спросил, почему он так тщательно выбирает из ящика небольшую отвёртку.

— К Нине иду, калитку посмотреть.

— А большая не понравится?

— Там неудобно подлезать.

— Конечно.

Денис поднял на него глаза.

Павел без всякого выражения повернулся к своему делу.

Они давно работали вместе. За это время Денис научился не отвечать на половину таких реплик. Вторая половина обычно была хуже.

Калитка и в самом деле сопротивлялась. Денис проверил, как она закрывается, несколько раз потянул на себя. Нина стояла рядом и держала в руках ведёрко с собранными яблоками.

— Вот, — сказала она. — Видишь? Будто я к кому-то чужому домой пытаюсь попасть.

— Давно так?

— Не настолько, чтобы я успела привыкнуть.

Он засмеялся, попросил её попробовать ещё раз после небольшой поправки. Защёлка сработала ровнее.

— Ещё раз.

Нина открыла и закрыла калитку.

— Ты мне, главное, не говори, что надо нажимать особенным способом. Я тогда буду выходить с инструкцией.

— Не надо особенным.

Кира появилась на крыльце с кружкой. Денис услышал дверь и обернулся раньше, чем понял, кто вышел.

На ней был светлый домашний джемпер. Не тот свитер, в котором она сидела над документами. Волосы собраны кое-как, у лица осталась прядь. Она остановилась, увидев их у ворот.

— Уже пришёл мастер? — спросила Нина. — Пришёл. И даже закончил.

— Добрый вечер, — сказала Кира.

— Добрый.

Денис сложил инструмент в карман, потом понял, что так можно проткнуть подкладку, и вынул обратно. Взял в руку. Кира смотрела на калитку.

— Теперь не нужно угадывать настроение? — спросила она.

— Нина всем успела пожаловаться?

— Я сегодня два раза с ней договаривалась.

— С Ниной?

Кира посмотрела на него и засмеялась.

Ему понравилось это короткое мгновение до смеха, когда она ещё решала, станет ли участвовать в шутке. Будто отпускала с поводка какую-то очень серьёзную часть себя.

За ужином оказалось, что собрание Нина представляла себе небольшое. Кроме них троих, никого не было. На столе стояла кастрюля, хлебница, тарелка с нарезанными овощами. Хозяйка села сбоку, поближе к кухонной раковине, чтобы удобнее было вставать, но Кира передвинула к ней соль и освободила место.

Денис заметил: прежде чем взяться за ложку, она посмотрела, начали ли остальные. Нина ещё рассказывала, как в магазине кто-то перепутал её яблоки с покупными, и Кира ждала, хотя суп уже перестал идти паром.

— Ешьте, — сказала хозяйка. — История не настолько важная, чтобы вы её на пустой желудок слушали.

Кира послушно взяла ложку.

— Хорошо, — сказала она после первого глотка.

— Это про историю или суп?

— Про суп. До истории я ещё не добралась.

Денис улыбнулся в тарелку.

Ему здесь нравилось и раньше. У Нины не нужно было доказывать, что ты занятой, полезный человек. Мог прийти с инструментом, а потом просто сидеть и слушать про яблоки. И то, что Кира тоже сидела за этим столом, не сделало вечер торжественнее. Скорее, добавило ещё одно удобное место, о существовании которого он не знал.

Нина спросила, удалось ли ей купить блокнот. Потом выяснилось, что племянник обещал привезти хозяйке из области какой-то противень и до сих пор возил его у себя в машине.

— Тимур у нас вечно по маршруту, — сказала она. — Не всегда по моему.

— Зато вещь увидит область, — отозвался Денис.

— Вещь-то увидит. Пирог кто печь будет?

Кира смеялась уже свободнее.

Денис хотел спросить, часто ли она видится с сестрой, но удержался. За рабочим столом такие вопросы приходилось сначала как-нибудь оправдать. Здесь оправдание не требовалось, и именно поэтому было сложнее.

— У вас сестра в области живёт? — всё-таки спросил он.

— Да. Мы недалеко друг от друга, но это не особенно помогает встречаться.

— Далеко — причина. Недалеко уже вроде не причина.

— А времени одинаково нет.

Нина покачала головой.

— Время оно вообще не очень впечатляется расстоянием.

Хозяйка встала за чайником и оставила их на минуту вдвоём.

Денис посмотрел на Кирины руки. Она аккуратно складывала на краю тарелки хлебные крошки, пока слушала. Не нервно — просто не оставляла их рассыпаться. Вчера точно так же положила рядом карандаш, прежде чем ответить на телефон.

Ему не следовало собирать коллекцию чужих привычек после нескольких дней знакомства. Но он уже делал это без всякого усилия.

После ужина Кира первой поднялась убрать посуду. Нина остановила её.

— Не трогайте кастрюлю, там ещё останется. Тарелку можете поставить рядом, я потом.

— Я могу помыть.

— Можете. Только не обязательно.

Кира оставила тарелку у мойки. Постояла секунду, словно простое отсутствие обязанности требовало отдельного привыкания, и отошла.

Денис помог Нине донести тяжёлое ведёрко в подсобку. Когда вышел, Кира была на крыльце, уже в куртке.

— Хочется пройтись, — сказала она, будто объясняясь.

— Я домой иду. Нам немного по пути.

— Тогда можно вместе.

Не «проводите меня» и не вынужденное согласие. Простая возможность идти рядом.

Улица была почти пустой. В окнах горел тёплый свет, кто-то за забором разговаривал по телефону. Денис нёс инструмент и всё время перекладывал его из одной руки в другую, чтобы не держать между ними.

Кира спросила, давно ли он жил в Ветринске. Он рассказал коротко. Потом — о работе, которая постепенно заняла больше места, чем он собирался ей отдавать. Без торжественного перечисления заслуг. Так много лет и прошло, что незачем было делать из них отдельную историю подвига.

— Вы любите что-нибудь чинить? — спросила она.

— Не всё.

— Я заметила, что не всё. Иначе зачем выбирать.

— Есть вещи, которые можно починить. И такие, у которых сначала надо спросить, почему они до сих пор здесь.

— У меня дома стул из второй категории.

— Сидите на нём?

— Пакеты держу.

— Значит, он уже нашёл себе другую работу.

Она засмеялась. Они подошли к повороту, где ей можно было свернуть обратно по параллельной улице, а ему — уйти к своему дому.

Денис остановился.

— Я тут рядом живу. Во дворе мастерская. Есть одна вещь, которая всё ещё не определилась, зачем она у меня. Могу показать, если вы не торопитесь.

Квартира Дениса находилась на втором этаже небольшого дома. Во дворе, в отдельной пристройке, он устроил мастерскую.

Кира посмотрела на него. Он уже был готов добавить, что можно в другой раз, или вообще не показывать. Не потому, что приглашение стало другим. Просто ему не хотелось превращать её согласие в обязанность.

— Не тороплюсь, — сказала она.

Мастерской служило небольшое отдельное помещение во дворе. Денис включил свет, придержал дверь. Кира вошла и остановилась у порога, не пытаясь сразу приблизиться к столу.

На стене висел инструмент, на полке стояли банки с крепежом. У рабочего места лежали разобранные бытовые вещи, которым Денис обычно находил время зимой. Здесь было чище,

чем можно было подумать по количеству предметов. Он не любил долго искать то, что уже держал когда-то в руках.

Фонарь стоял на верхней полке.

Денис снял его и поставил на стол. Потёртый металлический корпус, ручка сверху, стекло отсутствовало. Внутри виднелась пустота, из-за которой вещь выглядела не сломанной, а недоделанной.

— Вот.

Кира наклонилась чуть ближе.

— Красивый.

— Неработающий.

— Это я вижу.

Он усмехнулся.

— Попал ко мне давно. Всё собирался привести в порядок. Сначала надо подходящее стекло найти.

— Вы хотите, чтобы он был как новый?

Денис посмотрел на фонарь.

Раньше он вряд ли сформулировал бы вопрос именно так. Починить — и всё. А теперь понял, что новый ему совершенно не требовался. Все эти потёртости, неровный след на ручке, тёмная полоска у основания были частью причины, по которой он его вообще оставил.

— Нет, — сказал он. — Чтобы работал.

Кира кивнула. Не стала объяснять, какой глубокий смысл обнаружила в его ответе, и Денис был ей за это благодарен.

— Я бы поставила такой на стол, — сказала она. — Только не на рабочий. На том у меня и без фонаря места нет.

Она провела пальцем по краю корпуса, не залезая внутрь. Денис заметил тонкую светлую полоску на её ногте, но не стал рассматривать.

— Это обычная переносная вещь, — сказал он. — Не с рабочих огней. Иногда люди видят рядом воду и сразу придумывают ему важную службу.

— Я ещё ничего не придумала.

— Профессиональное.

Кира улыбнулась.

Они постояли у стола. Стало слышно, как за стеной кто-то закрыл автомобильную дверь. Денис подумал, что теперь у фонаря появилось ещё одно назначение: из-за него Кира задержалась здесь чуть дольше.

Этого объяснять ей тоже не требовалось.

Когда он проводил её до калитки, воздух стал заметно холоднее. Она спрятала руки в карманы, оглянулась на освещённую дверь мастерской.

— Спасибо за вечер.

— За ужин Нине.

— Я не только про ужин.

Он не нашёл подходящей шутки. Впервые за весь день не стал искать её слишком долго.

— Мне тоже было хорошо, — ответил он.

Кира пошла к гостевому дому. Денис подождал, пока она свернула на освещённую улицу, и вернулся в мастерскую.

Фонарь так и стоял на столе. Он мог бы убрать его обратно и закрыть дверь.

Вместо этого Денис нашёл чистый лист и записал размеры нужного стекла.

Глава 7. На другой линии

8 октября 2026 года

Сначала Кира решила, что неправильно повернула лист.

На старой схеме пешеходный подход шёл вдоль ограждения, потом уходил к обозначенному проходу. На месте эта последовательность выглядела иначе. Не настолько, чтобы заметить по общему виду, если приехать с одним вопросом и быстро уехать. Но достаточно, чтобы второй раз остановиться у того же забора.

Она развернула папку, прижала угол локтем и посмотрела на берег. Ветер трепал край листа. На фотографии, которую Кира сделала вчера, виделось именно то, что сейчас находилось перед ней.

Значит, дело было не в памяти.

Она не стала звонить Денису сразу. Прошла привычным путём пассажиров, остановилась, вернулась. Потом ещё раз посмотрела на обозначение.

Рядом пожилой мужчина ждал, пока его спутница поправит на сумке ремень. Женщина заметила Кирину папку.

— Это вы у нас измеряете?

— Смотрю пока.

— А то тут все сначала измеряют, потом снова приходят.

Мужчина негромко сказал, чтобы она не мешала человеку. Кира улыбнулась.

— Это не мешает.

Но отвечать, что после неё точно не придётся приходить снова, не стала.

Денис появился, когда люди уже начали готовиться к посадке. Поздоровался и сразу посмотрел на лист.

— Что нашли?

— Хочу уточнить. Здесь раньше проход был устроен по-другому?

Он подошёл с той стороны, где ветер не поднимал бумагу, но не взял её из рук. Посмотрел на обозначения, затем на берег.

— Было иначе, да. Не помню, какой год на этом варианте.

— Тут дата есть. Мне нужно понять, что после него менялось и какие материалы относятся к нынешнему проходу.

Он нахмурился.

Кира увидела, как легко сейчас было бы сказать лишнее: «Почему вы мне сразу не сообщили?» Или он мог спросить, разве она сама не должна была разобраться. Оба вопроса только занимали бы место между ними.

— Я не про то, кто виноват, — сказала она. — Просто не хочу смешивать разные состояния объекта.

— Я понял.

— Не совсем уверена, что поняли.

Денис поднял на неё глаза. Потом усмехнулся.

— Ладно. Не сразу понял. Сейчас пытаюсь.

Она почувствовала неожиданное облегчение.

Они отошли от прохода, чтобы не мешать людям. Денис объяснил, что помнил: когда пользовались прежним подходом, что менялось по организации движения, где могли остаться дополнительные материалы. На некоторые вопросы ответил «не знаю». Кира отмечала это на отдельном листе, не исправляя карандашом исходную схему.

— Сейчас ещё Павла спрошу, — сказал он.

— Хорошо. И я запрошу актуальный комплект через бюро.

— Это будет долго?

— Не хочу угадывать.

Денис посмотрел на её лицо и, кажется, собирался ответить тем же выражением, которым обычно встречал неприятную служебную неопределённость. Но вместо этого спросил:

— До следующего дождя разберёмся?

Кира подняла голову.

Над рекой темнело.

— Смотря до какого.

Павел нашёл несколько старых фотографий в служебном архиве. Они ничего не решали окончательно, зато позволяли перестать спорить с памятью.

На одном снимке проход выглядел так, как на схеме. На другом — уже ближе к нынешнему состоянию. Между ними могла лежать история нескольких простых рабочих решений, каждое из которых отдельно никому не казалось большим изменением.

Кира записала, что нужно уточнить, и позвонила Ирине. Та пообещала передать запрос и отдельно спросила, хватит ли ей первоначально запланированного времени на месте.

Кира посмотрела на стол. Здесь лежали не готовые ответы, а аккуратно разложенные причины не выдавать ответы раньше времени.

— Думаю, придётся задержаться, — сказала она. — Я точнее напишу, что остаётся.

— Напиши. Не принимай решение из одного ощущения.

Кира положила телефон рядом с папкой.

Денис, вошедший за документами, услышал только последнюю фразу её разговора.

— Уезжаете?

— Пока нет.

Он кивнул, но не сразу взял бумаги со стола.

Кира могла бы добавить про сроки. Вместо этого спросила:

— А вы хотели, чтобы я уже уехала?

— Не настолько, чтобы из-за этого торопить вас работу.

— Дипломатично.

— Павел иногда говорит, что я умею. Но не всегда вовремя.

Кира улыбнулась. Потом всё-таки объяснила, что речь шла о дополнительных материалах и времени на их проверку.

Он выслушал без облегчённого «а, тогда понятно», которое выглядело бы слишком личным. Сказал только:

— Если что-то нужно от нас, сообщайте.

После его ухода она открыла письмо Ирине и два раза перечитала первое предложение. Оно было написано нормально. Просто в голове ещё оставался совсем другой вопрос.

В обед начался дождь.

Не ливень, который можно было переждать с сознанием, что природа занялась чем-то исключительным, а обычная мелкая осенняя вода. Сначала Кира решила, что успеет дойти до столовой. Потом дождь стал заметен по крыше, и пришлось признать: к супу она доберётся уже частью собственного обследования мокрых вещей.

Она остановилась под навесом. В сумке лежало яблоко и пачка сухого печенья. Денис вышел из помещения с двумя кружками.

— Не нашли, где спрятаться? — спросил он.

— Нашла. Теперь проверяю, надолго ли.

Он поставил одну кружку на сухую часть доски.

— Чай. Без особых достоинств.

— Горячий?

— Пока да.

— Тогда уже с достоинством.

Денис засмеялся.

Кира сняла сумку, достала яблоко. Протянула ему второе, которое с утра положила почти случайно. Он посмотрел на плод, потом на неё.

— От Павла обратно в коллектив.

— У меня их больше, чем я успеваю съесть.

— Нина ещё не предложила пирог?

— Нина, кажется, работает над этим непрерывно.

Они стояли рядом, не совсем лицом к реке: дождь с той стороны забирался под навес, и обоим пришлось повернуться немного боком. У Киры намок край воротника. Она отогнула его, чтобы ткань не касалась шеи.

Денис заметил.

— Могу принести сухое полотенце.

— Не нужно. Я просто рассчитывала, что ещё минут десять будет сухо.

— Вы и погоду планируете?

— Неудачно, как видите.

Кира слышала, что сама сказала это легко. Не стала пояснять, сколько всего утром предусматривала и почему здесь не её ошибка. Дождь шёл безотносительно к её способности организовать день.

Несколько человек прошли мимо, поспешно спрятав руки в карманы. Одна женщина поздоровалась с Денисом и посмотрела на Киру кружку.

— Правильно. А то всё бегают.

Денис ответил что-то короткое. Женщина ушла, и рядом снова стало тихо, насколько вообще могло быть тихо возле работающей переправы.

Кира пила чай осторожно. Кружка снаружи быстро нагрелась, но обхватить её обеими руками всё равно хотелось.

— А где вы гуляете, если не по работе? — спросил Денис.

— Здесь?

— Вообще.

— Зависит от того, сколько времени.

Он посмотрел на неё.

— Я, кажется, опять ответила не на то.

— Немного.

Она задумалась. Не потому, что ответ был сложным. Просто давно никто не спрашивал об этом так, чтобы не потребовалось назвать достопримечательность или удачный маршрут.

— Иногда иду до тех пор, пока не надоедает думать об одном и том же.

— Помогает?

— Не всегда. Но получается далеко.

Денис улыбнулся.

— У меня раньше было наоборот. Шёл недалеко, зато всегда знал, к кому можно зайти.

— А теперь?

Он откусил яблоко и чуть пожал плечом.

— Теперь иногда лучше ни к кому не заходить. А то по дороге найдётся, что починить.

Кира посмотрела на его руки. На большом пальце виднелся небольшой старый след, уже не рана, просто часть кожи другого цвета. Она вспомнила фонарь на столе в мастерской.

— Стекло нашли? — спросила она.

Денис не стал уточнять, к чему.

— Ещё нет. Спрашиваю.

— Я сегодня увидела в магазине похожую вещь. Только совсем новую, неудобно блестящую.

— И решили, что мне проще купить такую?

— Нет. Подумала, что у вашей есть лицо.

Он покосился на неё, и Кира почувствовала, как фраза вдруг стала выглядеть слишком подготовленной. Хотя сказала она её совершенно без подготовки.

— В смысле... — начала она.

— Я понял.

— Теперь уже уверены?

Денис засмеялся и поставил пустую кружку на доску.

Она тоже рассмеялась. Из-за этого чай пришлось допивать чуть осторожнее.

Ветер сменился, и капли попали им на рукава. Денис отодвинул кружку в более сухое место, но не стал заслонять Киру собой или переставлять её туда, где, по его мнению, удобнее. Она сама сделала полшага.

Теперь плечо его куртки оказалось близко. Не касалось её, просто Кира знала, насколько близко. Ей пришлось напомнить себе, что для людей под небольшим навесом в дождь это ничего не означало.

Напоминание оказалось бесполезным, но и ничего предпринимать с этим было не нужно.

— С Ларисой вы ещё будете встречаться? — спросил Денис.

— Она обещала собрать примеры поездок.

— Можно Тимура подключить. Он у нас по автобусам.

— Нинин племянник?

— Знаете уже?

— Знаю про противень.

Денис закрыл глаза.

— Значит, хорошо знаете.

Они опять засмеялись, и Кира подумала, что давно не проводила рабочий обед так бездарно и так приятно одновременно. Дождь ещё не закончился, яблоко осталось недоеденным, зато голова перестала пытаться удержать каждую бумагу на столе.

— Я могу с ним поговорить, — сказал Денис. — Посмотреть сам объезд. Не обещать ранний рейс, а сначала понять, что у него получается.

— Это было бы полезно.

— У вас на всё такой ответ?

— Нет. На некоторые вещи я отвечаю «не влезет в срок».

— И на прогулки?

Кира встретила его взгляд.

Можно было вернуть разговор к работе. Уточнить, когда именно он договорится с Тимуром. Сказать, что сначала нужно обсудить формат данных с бюро. Вместо этого она допила чай и поставила кружку рядом с его.

— На прогулки я стараюсь так не отвечать.

Он кивнул, как будто принял информацию к сведению. Но улыбка оставалась.

Вечером Кира оставила куртку в Нининой подсобке. Хозяйка принесла лишнюю вешалку и не стала спрашивать, долго ли она простояла под дождём. Только сказала, что рукав нужно расправить.

В комнате пахло влажным воздухом из приоткрытого окна. Кира закрыла его, переоделась и отправила Ирине список того, что нужно уточнить по материалам. Отдельно пометила, где обнаружилось расхождение со старой схемой.

Потом вымыла яблоко, оставшееся в сумке, и разрежала его на две половины. Зачем на две, если ела одна, она не стала выяснять.

Ася ответила на письмо только ближе к вечеру.

«Про таз мне всё понятно. Про Дениса пока не очень. Но расскажешь, когда захочешь».

Кира посмотрела на экран с благодарностью и лёгкой досадой. Сестра слишком хорошо умела иногда не задавать вопрос, который от этого становился заметнее.

Она написала, что пока рассказывать особенно нечего. Удалила «особенно». Получилось ещё хуже. В конце оставила: «Он принёс хороший горячий чай».

Ответ пришёл быстро.

«Это уже конкретный факт».

Кира положила телефон на стол и начала читать книгу, купленную вместо блокнота. Прочла несколько страниц, вернулась на одну назад. Внизу послышались Нинины шаги, потом хлопнула входная дверь.

На телефоне появилось сообщение Дениса.

«В субботу Тимур готов проехать объезд и показать, как он его считал. С вами согласуем, когда будет удобно».

Кира открыла календарь.

Глава 8. Дорога вокруг

10 октября 2026 года

Тимур принёс на встречу сложенный лист и пакет с противнем.

— Тёте сначала отдам, — сказал он. — Иначе потом мне ни один маршрут не согласуют.

Денис взял у него пакет, подержал на весу.

— Давно возишь?

— Уже начал считать постоянным пассажиром.

Кира вышла из гостевого дома, когда они стояли у калитки. Посмотрела на пакет и сразу улыбнулась.

— Доехал?

Тимур повернулся к Денису.

— Здесь теперь все знают?

— Здесь пироги ждут.

Нина забрала противень с выражением человека, который ради общего мира не станет произносить всё подготовленное. Тимур помог ей занести покупку, через минуту вернулся уже без пакета и с яблоком.

— Отпустили, — сообщил он.

До остановки шли втроём. Денис видел Тимура и раньше, но обычно разговаривал с ним коротко: что спрашивали, что можно уточнить, когда ждать ответ. Сегодня у того была возможность объяснить всё целиком, и Денис заранее подозревал, что ему понравится не каждая часть.

Кира шла с блокнотом в кармане. Она не держала его перед собой и не пыталась начать запись на ходу. Денис заметил это с дурацким удовлетворением, будто они вместе добились небольшого улучшения в погоде.

— Мы обычным рейсом поедём? — уточнила она.

— Да, — ответил Тимур. — Показывать вам отдельную машину смысла нет. Вы тогда увидите отдельную машину.

— Согласна.

Тимур достал лист.

— Это действующий объезд. А здесь я отметил, какие куски придётся учитывать, если обсуждать ранний. Пока не расписание, не заявка и не обещание. Просто чтобы одинаковыми словами разговаривать.

— Хорошее вступление, — сказал Денис.

— Научился. Раньше мне стоило сказать «можно посмотреть», как через день уже спрашивали, почему не сделали.

На остановке стояли несколько человек. Кто-то разговаривал по телефону, женщина держала пустую хозяйственную тележку, пожилой мужчина прислонился к ограждению. Никто не выглядел участником транспортного обследования. Люди просто собирались доехать.

Денис раньше проезжал этот путь на машине. Знал повороты, место, где дорога менялась, видел мост. Но ожидание на остановке в маршрут его собственной поездки не входило.

Кира посмотрела на часы и сделала короткую запись.

Он поймал себя на том, что хотел спросить, долго ли они уже стоят. Не спросил.

Автобус пришёл. Тимур пропустил женщину с тележкой и жестом показал, где удобнее сесть. Денис устроился через проход от Кире. За окном Нинин дом почти сразу скрылся за поворотом.

Первые несколько остановок Денис ещё сравнивал дорогу с привычной. Потом понял, что сравнивал не то.

В машине он не останавливался здесь, не ждал, пока человек с тростью поднимется по ступенькам, не уступал место сумке, которую некуда было поставить. Не выбирал, где пересечь так, чтобы дождь не застал между двумя навесами.

Кира смотрела в окно. Иногда записывала что-то, потом закрывала блокнот, будто старалась не превратить каждого пассажира в готовый пример.

Тимур объяснял негромко, чтобы не втягивать весь салон в рабочую беседу.

— Если брать людей отсюда, нужно понимать, кто где оказывается утром. Пустая машина из нужного места сама не появляется. Водителю тоже надо начать смену. И закончить её когда-нибудь.

— Я понимаю, — сказал Денис.

— Я не спорю. Я проговариваю, чтобы потом не выяснилось, что каждый понимал своё. Денис посмотрел на него внимательнее.

Тимуру было двадцать семь, и на лице у него ещё сохранялась та лёгкость, из-за которой старшие люди иногда считали необходимым заранее объяснить ему, как устроена жизнь. Он не выглядел обиженным. Скорее, уже научился не тратить на это силы и просто возвращать разговор к делу.

Кира спросила, как раньше собирали сведения о пассажирах. Тимур назвал то, что было, отдельно — то, чего не хватало. Не попытался придать своим записям больше веса, чем они выдерживали.

— Значит, пока мы не можем сказать, что ранний вариант покрывает потребности, — произнесла она.

— Пока можем сказать, что есть потребности. Какие именно — будем выяснять.

У Дениса появилось неприятное ощущение, что двое людей сейчас очень корректно договариваются не сказать того, чего ему так хотелось услышать.

Он отвернулся к окну.

За стеклом тянулись склады, затем начались редкие дома. Дорога поворачивала, и вода на мгновение появилась между строениями. Та же река. Только с этого места она почти ничего не объясняла: ни зачем объезжать её так долго, ни почему короткий путь не мог работать круглый год в одном и том же виде.

На следующей остановке женщина с тележкой встала. Тимур передвинул свою сумку, освобождая проход. Кира подняла упавшую перчатку и протянула женщине.

— Спасибо, милая.

Она сказала это без намерения сделать их общими людьми. Просто получила перчатку и пошла дальше.

Денис почему-то запомнил, как Кира держала её за самый край.

У моста автобус замедлился. Впереди стояли машины. Не большая пробка — обычное дорожное промедление, которое в собственной машине можно было бы переждать под музыку. Здесь включённое радио доносилось от водителя, и песню постоянно перекрывали чужие разговоры.

Тимур посмотрел на часы.

— Вот это тоже надо учитывать, — сказал он.

— Сегодня суббота, — заметил Денис.

— Именно.

Кира записала время, потом спросила, можно ли будет отдельно сверить будний вариант. Тимур кивнул. Она не произнесла «значит, сегодня зря ездили», и Денис с запоздалым стыдом понял, что сам собирался подумать примерно так.

Путь мог быть полезным, даже если не давал готового ответа.

Они вышли на левом берегу и прошли до нужной улицы пешком. Время на бумаге ещё не закончилось, пока Кира не остановилась у поворота, от которого человеку пришлось бы расходиться дальше по своим делам.

— Теперь? — спросил Тимур.

Она посмотрела на часы.

— Для этой точки — теперь.

Денис сунул руки в карманы.

Больше всего хотелось сказать что-нибудь очевидное: на пароме быстрее. Он не сказал. Никто из них и не пытался доказать обратное.

В магазине неподалёку продавали горячие пирожки. Тимур купил себе два и извинился, что ест на ходу. Они с Кирой тоже взяли по одному. Стояли у стены, оставляя проход свободным, и осторожно держали горячую бумагу.

— Как будто экскурсия, — заметила Кира.

— У нас ещё обратная часть, — сказал Тимур.

— Не лишайте людей надежды.

Он засмеялся.

Денис подумал, что Кира, возможно, гораздо чаще шутила, чем он сначала решил. Просто её шутки не всегда требовали смеха от всех окружающих. Иногда достаточно было заметить, что рядом можно немного ослабить плечи.

Тимур отошёл позвонить. Ему нужно было уточнить рабочую вещь, не связанную с ними. Денис и Кира остались у стены вдвоём.

— Вы расстроились? — спросила она.

— По мне видно?

— Вы минут десять молчали, хотя раньше собирались возразить.

Он усмехнулся.

— Иногда мне есть чем занять голову и без возражений.

— Тогда извините.

— Не надо.

Они постояли, глядя на улицу. На другой стороне пожилой мужчина пытался надеть собаке какой-то дождевой жилет. Собака позволяла это делать, но своим видом не оставляла сомнений в отношении к затее.

— Я просто не люблю, когда говорят, будто можно взять и заменить одну дорогу другой, — сказал Денис.

— Я тоже не хочу так говорить.

— Вы аккуратнее.

Она посмотрела на него.

— Не обязательно добрее. Просто стараюсь не называть готовым то, чего ещё нет.

Это был ответ, с которым трудно спорить и который всё равно оставлял неприятный осадок. Как холодная вода: ничего против тебя не имеет, но входить не хочется.

Денис скомкал пустую бумагу, нашёл взглядом урну.

— Знаете, что я больше всего не люблю? — спросил он. — «Там же просто». Обычно это говорит человек, который потом не будет делать.

— А вы сами так не говорите?

Он хотел ответить сразу. Не получилось.

Кира заметила паузу и улыбнулась совсем немного, без победы.

— Я говорю, — признался Денис. — Наверняка.

— Я тоже.

У мужчины через дорогу наконец получилось застегнуть собачий жилет. Собака сделала несколько шагов и остановилась, будто требовала пересмотреть договор.

Кира засмеялась первой.

Тимур вернулся и сообщил, что по времени на сегодня достаточно. Он собирался ещё по делам, а им предложил возвращаться, как удобнее. Никакой необходимости повторять весь путь только из уважения к бумаге не было.

Денис посмотрел на Киру.

— Через переправу?

— Давайте.

До пристани они шли не торопясь. Кира убрала блокнот и несла перчатки в руке. Одну постоянно перекладывала поверх другой, пока наконец не надела обе.

— Замёрзли? — спросил Денис.

— Немного. Но это не замечание к маршруту.

Он улыбнулся.

Дорога проходила мимо школьного забора. За ним было тихо. Денис вспомнил, как Лариса несколько раз пыталась объяснить ему про утренние поездки. Он слушал, кивал, говорил, что всё понимает. И в тот же вечер снова думал только о том, как сохранить привычный порядок переправы.

Кира не могла знать, о чём он сейчас вспоминал. От этого идти рядом оказалось легче. Никто не требовал немедленно предъявить правильную версию себя.

— Когда я только начинал здесь, — сказал он, — людям обещали одну простую поправку. Я тогда тоже всем повторял, что скоро станет удобнее.

Она повернулась к нему.

— Стало?

— Не скоро. И не так, как мы рассказывали. Объяснять потом приходилось нам, не тем, кто первый сказал.

— А люди помнили ваши слова.

— Конечно. Я же рядом.

Кира кивнула. Не стала объяснять, почему он должен был тогда осторожнее относиться к обещанию. Денис сам это знал. Бесплезная часть знания состояла в том, что каждый следующий раз ему всё равно хотелось успокоить человека, который стоял перед ним, прямо сейчас.

У пристани ждали пассажиры. На этот раз Денис не работал на рейсе. Он занял место рядом с Кирой, убрав телефон в карман.

— Вы сегодня как обычный человек? — спросила она.

— Сегодня стараюсь.

Когда паром отошёл, он увидел привычный берег с той точки, на которой редко задерживался без дела. Кира стояла рядом, не задавала вопросов. На поверхности воды расходилась мелкая рябь.

Денису захотелось коснуться её рукава. Не поправить, не помочь застегнуть, не показать направление. Просто убедиться в расстоянии между ними рукой. Он оставил ладонь на холодном ограждении.

Кира повернула голову, и их взгляды встретились раньше, чем он успел решить, куда смотреть.

Она ничего не сказала. Только немного улыбнулась.

На правом берегу они разошлись у магазина. Кира пошла к Нине, Денис постоял, пропуская машину, затем повернул домой.

Письмо из Северска снова оказалось первым в почте. Он открыл его, прочитал ещё раз и не стал отвечать, что всё почти решено.

Вместо этого написал Тимуру: «Спасибо за сегодня. По буднему времени давай отдельно сверим, когда сможешь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.